

(06.11.2007)

Голливудская фабрика грез, наряду с развлекательно-коммерческой направленностью своей глобально доминирующей продукцией, никогда не оскудевала в реализации политических идей и образов, которые так или иначе соответствовали текущему политическому моменту или преобладающим взглядам западного мира. С первых дней развития киноиндустрии Голливуд, осознанно или нет, проецировал через свою «продукцию» своеобразное псевдопросветительское видение мира, в котором для американских ценностей, явлений и личностей были забронированы положительные, современные и светлые роли, а для реальных и кинопротивников – роль дежурных негодяев. Иногда этот, по меньшей мере, манихейский (основанный на противопоставлении метафор света и тьмы, т.е. просвещенного и непросвещенного, добра и зла) взгляд на мир служил лишь для трансформации зрительского сознания, т.е. системы ценностей и идентификации, а иногда, хотя и намного реже, оправдывал употребление политического насилия в конкретных условиях. Так, уже натренированные распределением ролей в ранних вестернах, где история геноцида коренного населения представлена как отважная одиссея храбрых первопроходцев, противостоящих примитивным и непросвещенным индейским племенам, Джон Уэйн и его соратники, в годы Второй мировой войны и после нее, истребляли на киноэкране мрачных японских призраков или лишенных всего человеческого фрицев в металлических горшках на голове, и также на пике рейгановской эры борьбы против «империи зла» главными целлулоидными героями были Рэмбо или пилоты из TOP GUN, которые систематично уничтожали актуальных и мощных в ту пору противников мирового масштаба.

Заметна тенденция, что позднее, с определенной временной дистанции, в голливудской киноиндустрии появляется своеобразный исторический ревизионизм в отношении показанных стереотипов. Антивестерн, т.е. показ трагической судьбы североамериканских индейцев и реальное рассмотрение истины о том, «как покорен Запад», как и более объективный показ мирового кровопролития в XX веке, обрели свое место только в период безуспешной интервенции во Вьетнаме, пышного расцвета моды на пацифизм и движения хиппи. Несмотря на то, что такая ревизионистская

составляющая голливудской продукции постепенно меняет и рушит устоявшиеся стереотипы, обращаясь к совести и критическому переосмыслению, это, как правило, происходит с опозданием. Кинопоказ коллапса интервенции во Вьетнаме («Апокалипсис наших дней», «Охотник на оленей») должен был дожидаться перехода из семидесятых в восьмидесятые, чтобы лишь в середине восьмого десятилетия достичь своей вершины (с фильмами *Platoon*, *Hamburger Hill*, *Full Metal Jacket*), в то время, когда на большом экране крутились Рэмбо, Американские ниндзя, Чак Норрис, порождая новые стереотипы и их политическую аранжировку. Стереотипные пейоративные персонажи меняются в соответствии с политическими потребностями. Фрицев и японцев сменяют русские, арабы, латиноамериканская наркомафия и международные террористы, чтобы с «опозданием», в середине девяностых годов, откровенно говоря, в более скромном и модифицированном облике, этот список дежурных негодяев пополнили давно очерненные глобальными СМИ сербы.

Ранние появления сербов в Голливуде

Когда-то все выглядело наивно и совсем незначительно. Выросшие в титовской Югославии поколения, взращенные преимущественно на голливудских фильмах, каждое появление в кино сербского имени или события ощущали малым подтверждением собственной значимости, к тому же возникала иллюзия, что мы не совсем уж последние и незначительные в мире. Нам не было известно, что голливудская машина еще во время войны против нацистов сняла пропагандистский фильм «Четники – воюющие гориллы», в котором Дража Михайлович показан как современный Робин Гуд. У нас не было возможности посмотреть, как Джеймс Бонд в фильме «Из России с любовью» имеет дело и с титовскими шпионами, потому что в этих случаях работала цензура. Мимо нас прошел и тот факт, что в соответствии с «заседанием» Югославии сразу на двух стульях между тогдашними суперсилами, в британском культовом шпионском фильме *The Mask Of Demetrios* Белград был показан вполне достойной европейской метрополией, в то время как София, находившаяся с другой стороны железного занавеса, выступила в провинциальном свете.

Напротив, для нас было значимо, что в оригинале фильма «Люди-кошки» (1942), на который в восьмидесятые годы был снят ремейк с Настасьей Кински в главной роли, где более не упоминается Сербия, показана необычная девушка-сербка Ирена и мистическая трансформация в пантер именно людей из наших краев. Мы были приятно удивлены, услышав, как в вестерне «Врата рая» переселенцы говорят некоторые «наши» слова, или что во второразрядных фильмах некий детектив имеет фамилию, оканчивающуюся на –ич. Когда появилась голливудская драма «Четыре товарища» (1981, режиссер Артур Пенн), показывающая тяжелую жизнь сербской, а точнее югославской эмиграции на металлургических заводах US Steel; когда православный

священник в комедии «Мы не ангелы» (с Де Ниро и Шоном Пенном в главных ролях) проговаривал пару предложений на архаичном сербском языке, это поднимало нам настроение; когда в голливудских фильмах начали появляться экземпляры юго-флориды, нашему воодушевлению не было предела.

Мы все помним кадры из фильма «Умри по-мужски – 3», в котором Брюс Уиллис во время погони на автомобиле клянет «Юго», что не может ехать быстрее, тогда как Сэмюэль Джексон объясняет ему, что эта машина сделана для экономии средств, а не для скорости; или сцены из фильма «Ворона», в котором один из преступников в бегстве крадет «Юго», но поскольку не умеет его водить, начинает ругаться и проклинать иностранные автомобили. Подобен чуду был тот факт, что в маленьком провинциальном американском городке в фильме «Задушить Мону» все, кроме полицейских, ездили на «Юго».

Но вот в Голливуд пришли девяностые...

Сербы становятся (и остаются) отрицательными персонажами

Распад Югославии и военные события на Балканах начинают жить по-голливудски только в середине 90-х, разумеется, в полном соответствии с отношением Госдепа к разделу СФРЮ и мнением, созданном мировыми СМИ. Не удивительно, что сербы в одночасье стали отрицательными киногероями.

Конкретно, во вводной сцене фильма «Стена» (1995), не имеющей никакой связи с дальнейшими событиями фильма, Николас Кейдж, как эксперт ФБР по взрывчатке, демонтирует бомбу, которую сербы из Боснии спрятали в куклу и послали по почте. Двумя годами позже в фильме «Миротворец» (1997) Джордж Клуни и Николь Кидман преследуют боснийского серба, который, раздобыв от русской мафии и радикальных боевиков атомную боеголовку, намерен взорвать ее на Манхеттене.

Такая матрица вскоре начинает повторяться в фильмах категории В. В фильме «Дипломатическая осада» (1999, в гл.ролях Том Беринджер, Питер Веллер, Дерил Ханна), вопреки тому, что сербы в событиях 90-х никогда не проявляли склонность к терроризму, они были отнесены именно к этой категории. Сюжет таков. Вымышленная

группировка «Сербский освободительный фронт» захватывает заложников в американском посольстве в Румынии для обмена на полковника Петра Войновича, который в качестве обвиняемого в военных преступлениях находится в Гааге. Это намерение им, разумеется, не дают осуществить голливудские киногерои.

Начало нового тысячелетия и перемена режима в Сербии 5 октября 2000 года, последующее сближение с Западом не привели ни к какой перемене в отношении к сербам в голливудских и других западных фильмах. В фильме «Снайпер – 2» (2002г.) Том Беринджер – профессиональный моряк-снайпер – в сцене, которая странным образом предвосхищает покушение 12 марта следующего года, из квартиры в здании напротив Правительства Сербии убивает на ступенях сербского генерала-политика, ответственного за массовые преступления в Косове. Знаменитый русский актер Олег Меньшиков, давно находящийся на заработках на Западе, в фильме «Главный обвиняемый – 6. Последний свидетель» (2003) играет сербского военного преступника, который живет в Лондоне по подложным документам врача, а на его след выходит детектив Хелен Миррен. В этом же году снят и фильм с Джереми Айронсом «Четвертый ангел», в котором сербские террористы – члены движения «15 августа» (?!) под руководством Лойвека Иванича и Кардана Малдича (?!) захватывают самолет и за освобождение заложников требуют 50 миллионов долларов от Госдепа США. Еще один фильм, «Преследуемый» (Hunted, 2003) с Бенисио дель Торо и Томми Ли Джонсом напрямую касается войны в Косово. Главным отрицательным героем фильма был очевидец массовых злодеяний сербских военизированных формирований в окрестностях Джаковицы, которые оказали решающее влияние на его душевные отклонения и путь к преступлению...

Через объектив голливудского стереотипа с недавних пор смотрит на косовские события и европейская кинопродукция. Испанский фильм «Теневая зона» (2003) рассказывает о судьбе военного контингента из этой страны, посланного в Косово, а точнее в пограничное кольцо между Косово и центральной Сербией, в так называемую «Зону исключения» или «Теневую зону», в которой сербские военизированные группировки насильственными действиями нарушают мир косовского населения. Фантазия в этом фильме действительно безгранична: сербская группировка уничтожает энергетические объекты и лишает косовское население электричества, попутно убивая все, что движется – мирных людей, беззащитных и стариков, причем с усердием Терминатора.

Наиболее странный фильм о сербах, голливудской продукции категории В - это, разумеется, «Любовь приходит к Палачу» (Love Comes to Executioner) 2006 года. И правда, нельзя не пересказать его вкратце, чтобы получить представление о том, как представлены сербы мировой киноаудитории даже через 6 лет после падения режима

Милошевича. Главный герой – Хек Пригушивач, серб, студент, изучающий древние языки, живущий в Новой Приштине (?!). Он безработный. Его мать – порно-актриса, на его глазах смотрит свои «творения». Его покойный отец, как мы узнаем из фильма, был убит, а брат – массовый убийца, совершивший преступление в колледже (?!) после бессмысленной ссоры с главным героем. Все сербы в фильме похожи на ненормальных жителей Твин Пикса, во главе с соседкой госпожой «Четник», лучшей подругой порно-мамаши Пригушивача. С учетом этнических и семейных традиций молодой Хек Пригушивач находит, наконец, «интересное» трудоустройство в тюрьме: исполнителем смертных приговоров, но при условии, что сотрудники этого учреждения дадут ему возможность преподавать осужденным латынь. После такого монструозного портрета сербов в качестве психологически идеальных палачей, при всей экзистенциальной проблематике и открытом вопросе об оправданности смертной казни, все негативные стереотипы о сербах в новейших фильмах, как, скажем, в совсем свежем фильме «Охотничья дружина» с Ричардом Гиром (где он преследует Радована Караджича), покажутся нам почти безобидными, просто детскими игрушками.

И доколе так...

Принимая во внимание, что сербы более десятка лет смотрели в лицо геополитическим интересам США, непрерывно находились под ударами мировых СМИ, можно было бы сказать, что мы в стереотипном показе, т.е. способе, каким нас «по-кинематографически ненавидели», еще легко отделались. Причем по многим причинам.

Во-первых, негативные стереотипы о сербах начали распространяться только к середине девяностых годов: что наряду с информационной еще не было кинематографической подготовки к «окончательному сведению счетов», как это было, скажем, в случае с арабскими террористами или Саддамом. То ли потому, что нам почти до дейтонских дней не придавали большого значения и для формирования общественного мнения было достаточно средств массовой информации, то ли потому что только после войны в Боснии потребовалось раздувать страсти с помощью стереотипов, так как на Балканах осталось проделать самую трудную и сложную часть работы, - хронология проявления стереотипов о сербах выявляет странные закономерности. Во-вторых, после 5 октября, несмотря на отчаянное желание тогдашней культурной и политической элиты понравиться Западу и создать «позитивный имидж», негативные стереотипы о сербах не только не уменьшились, но и возросли, наглухо пристегнутые к рассуждениям о терроризме, панический страх перед которым возобладал на Западе после 11 сентября. И в-третьих, важнее всего то, что во всех этих фильмах сербы не очернены «целиком и полностью», как абсолютное зло (судьба, интересы и решения великих продюсеров, судя по всему, предназначили

кому-то другому). Напротив, им, несмотря на все страшнейшие кинематографические искажения, все-таки оставлены некие психологические черты, частично объясняющие их состояние, то есть для них сконструирован психологический профиль, оправдывающий их «тяжелые отклонения». Они, стало быть, не представляют абсолютный мрак и чистое зло, но безумцы, которых разные несчастья подтолкнули к преступлению. Они таскают атомные бомбы, похищают людей, проводят этнические чистки, прежде всего потому, что сами несчастны, отстали, помрачены умом вследствие тяжелой семейной и исторической наследственности.

Исключительно важно заметить эту голливудскую тенденцию. Когда глобальные СМИ показывали сербов как варваров и безумных этнических чистильщиков, а некоторые западные интеллектуальные круги возвышали такие стереотипы в ранг концепции противостояния сербов цивилизационному развитию, голливудская киномагия оставляла и до сих пор оставляет им какие-то, пусть небольшие, человеческие черты. Подразумевает ли это шанс для нас «стать людьми» (хоть при этом мы бы и остались сербами) и на манер апачей пережить историческую киноревизию, пусть и запоздалую? Потому что в постмодернистском обществе значение движущихся картинок и впечатлений, какие они производят, несравнимо выше и важнее, чем интеллектуальные бредни политически корректных «великих умов», которые в основном никем не принимаются всерьез, кроме как если они используются в качестве комментариев к ударным выпускам новостей. Сегодня в переустройстве мира доминирует Голливуд, а не письменная или устная речь. Если бы здешние (псевдо)интеллектуальные круги, переполненные негативными стереотипами о собственном народе, пересмотрели свои взгляды, диктуемые Голливудом, к чему бы мы пришли? Может быть наша мрачная политическая реальность пережила бы в один прекрасный день свой хэппи энд? Не по-голливудски, конечно, потому что в здешней реальности «позитивные и негативные персонажи» достаточно отличаются от распространяемых стереотипов.

(Перевод: Анна Травкина)